Она похвалила себя за то, что так хорошо придумала эту чепуху. Молодец, Сяо Фэн.

Но Сяо Фэн случайно забыла одну вещь: Дицзюнь был довольно-таки любопытным божеством.

И действительно, любопытство Владыки заставило его немного подумать, прежде чем он сделал следующий вывод: «Очень интересный обычай. Раз я не знал этого раньше, то неплохо попробовать обычай вашего Цинцю сейчас».

Прежде чем она успела что-либо придумать, Фэн Цзю толкнула Дун Хуа в грудь и покраснела, как цветок персика: «Как ты можешь говорить такие бесстыдные вещи?!»

На самом деле Владыка просто шутил, но кто же знал, что его очаровательная слушательница примет всё за чистую монету. Он напомнил ей: «Ты помнишь, кто первый начал?»

Бушующий огонь Фэн Цзю мгновенно погас; это был вопрос гордости.

Она долго думала, прежде чем набраться смелости и ответить: «Признаю, это я начала». Она потерла нос и начала оправдываться: «Но это мой сон, поэтому я могу делать все, что захочу». Точно, внезапно поняла она. Это же ее сон, а Дун Хуа был создан ее воображением. Обычно она никогда не выигрывала у него в споре, как он мог быть таким высокомерным даже в ее сне? Он бессовестно пренебрегал хозяйкой сна!

Она бесстрашно посмотрела на Дун Хуа со вновь приобретенной смелостью: «Ты, ты просто создан моим воображением. В моем собственном сне я могу воспользоваться тобой, когда захочу и как захочу. Но ты не можешь сделать то же самое со мной. Ты не должен доискиваться причин или уповать на здравый смысл, потому что в этом сне нет никаких причин, мои слова - единственная причина!» Ее речь была произнесена с убеждением. Когда она закончила, то сама немного испугалась, но, как могла спокойно, взглянула на Дицзюня.

Дун Хуа долгое время выглядел озадаченным.

Она подумала, не переусердствовала ли она, пытаясь доказать, кто тут главный. Фэн Цзю помахала перед ним рукой, и Дун Хуа тут же схватил ее за руку. Он явно смотрел на нее, но его слова, казалось, были обращены к самому себе: «Значит, она думала, что спит». На миг воцарилась тишина.

- А я-то думал, почему ты вдруг сменила гнев на милость и даже не сердисься.

Фэн Цзю ясно расслышала каждое слово из двух предложений Дицзюня, но не совсем поняла их смысл.

- О чем ты говоришь?

Совершенно потерянная, она продолжала: «Разве это не сон? Если это не сон, то откуда ты взялся?» Теперь она совсем растерялась и добавила: «Почему я должна сердиться на тебя?» Она вздрогнула, когда ее глаза скользнули по его красным губам; ее лицо побледнело, когда она сказала: «Я, что, на самом деле воспользовалась...» Она не могла произнести слово «тобой». Свободной рукой, которую не держал Дун Хуа, она начала тихонько подтягивать одеяло к груди, пытаясь прикрыть и голову. Реальность была слишком жестока.

Дицзюнь поймал уголок одеяла в воздухе, ее рука была зажата в его руке. Он долго смотрел на нее, потом, наконец, спросил: «Ты помнишь, что ты делала перед тем, как заснуть, Сяо Бай?»

Что она делала перед тем, как заснуть? Фэн Цзю обнаружила, что понятия не имеет. Воспоминания затянуло темной пеленой, и словно легкий ветерок унес туман забытых воспоминаний о трагическом прошлом. Внезапно половина ее сердца похолодела. Означает ли этот симптом, что она потеряла память?

Печаль породила озноб. Когда эта мысль пришла ей в голову, руки и ноги Фэн Цзю похолодели. В этот самый момент ее замерзшую руку сжали еще крепче, а рядом с ухом раздался спокойный голос Дун Хуа: «Я здесь, не бойся. Ты просто еще не совсем очнулась ото сна, вот и все».

Она неуверенно посмотрела на Дицзюня.

Владыка пригладил прилипшие пряди на ее лбу и спокойно сказал: «Иногда так бывает, когда слишком долго спишь. Ничего страшного, если ты не можешь вспомнить то, что было до того, как заснула. Ты все еще помнишь самые последние события, так что беспокоиться не о чем». В его глазах появился мягкий блеск.

- Честно говоря, если ты не можешь вспомнить какие-то вещи, не думаю, что это так уж важно.

Хотя слова Дицзюня нельзя было считать утешением, когда она услышала их, она действительно почувствовала себя уверенней.

Только теперь Фэн Цзю могла видеть все ясно. Хотя она не спала, она действительно лежала на просторной кровати. Но это было не брачное ложе с красными простынями и драпировкой. Под ее телом был матрас, перед глазами висела тонкая ткань, все в том же глубоком темно-синем цвете. За занавеской не было пары горящих свечей Дракона и Феникса [2], лишь над балдахином парила ночная жемчужина величиной с гусиное яйцо.

Сквозь тонкую завесу небо казалось большим экраном, а земля - длинным ковром. Белый лес и его сияющий свет создавали вокруг себя мистическую атмосферу. Конечно, пятно, излучающее самую сильную мистическую энергию, исходило от Владыки, который сидел перед ней.

Дицзюнь сказал «последние события». Самые последние события... Фэн Цзю на мгновение задумалась, вспомнила кое-что и прошептала Дун Хуа: «Если это не сон, тогда... моя свадьба с Цан И Шэньцзюнем до твоего появления... должно быть, это был сон».

Она задумалась о происхождении этого сна. На ее лице читалась растерянность, когда она сказала: «Два месяца назад мой старик, я имею в виду, мой отец заставил меня выйти замуж за Цан И Шэньцзюня с горы Чжиюэ. В первую брачную ночь я сделала все, что могла, чтобы разрушить дворец Цан И. Этому браку с самого начала суждено было пойти коту под хвост. Я слышала, что ремонт дворца обошелся ему в тот год в целое состояние. Но Цан И Шэньцзюнь не возражал, что я превратила его в руины. Он даже заступился за меня, когда отец хотел сделать мне выговор».

Она закончила, понизив голос: «Он сделал такой широкий жест, но я думала, что поскольку его власть на земле была слишком обширной, у него уже было много проблем, о которых нужно было беспокоиться. Но потом он заговорил от моего имени. Я была благодарна ему и чувствовала себя немного виноватой за то, что разрушила его дворец. Мне до сих пор немного стыдно. Наверное, именно поэтому мне сегодня приснился такой странный сон».

Волосы Фэн Цзю спутались во время сна. Дун Хуа молча помог ей пригладить их. Он подумал о ее бессвязной речи. Сымин сказал, что тот случай на горе Чжиюэ произошел семьдесят лет

назад, но Фэн Цзю настаивала, что прошло всего два месяца. Кажется, из-за серьезных ранений и нехватки духовных сил ее память была слегка затуманена сном Араньи.

Значит, она помнила моменты семидесятилетней давности. Вот почему она не спросила в гневе, почему он отдал плод Саха Цзи Хэн.

Кажется, способность сна Араньи спутывать воспоминания была для него настоящим благословением.

Фэн Цзю на некоторое время задумалась. В конце концов, были некоторые вещи, которые все еще озадачивали ее. На ее лице появилось сомнение, когда она нервно сказала: «На самом деле, я почувствовала, что что-то не так в тот момент, когда открыла глаза». Она посмотрела на Дицзюня, и в ее глазах мелькнуло страдание.

- Если тогда я спала, а теперь нет, то где же это место, Владыка?.. почему ты здесь? И чья это кровать?

Дицзюнь на мгновение задержал на ней взгляд. Кажется Сяо Бай помнит сейчас лишь то время, которое она провела на Девяти Небесах в качестве его лисички. Теперь все будет гораздо проще. С искренним выражением лица он начал нести всякий вздор: «Это силовое поле, похожее на Сферу Нечистого Лотоса. Янь Чиу поймал меня здесь в ловушку. Ты так беспокоилась за меня, что поспешила мне на выручку».

Рот Фэн Цзю раскрылся так широко, что в него можно было засунуть целый кулак: «Неужели Янь Чиу настолько невероятен? Он может заманить тебя в ловушку дважды?!»

Дицзюнь сохранял невозмутимый вид: «Он заманил в ловушку не только меня, но и тебя. Вот почему мы не можем покинуть это место, мы застряли здесь».

- Этот негодяй Янь Чиу! - возмущенно воскликнула Фэн Цзю.

Но затем снова пришла в замешательство: «Если Янь Чиу снова поймал тебя в ловушку, а я бросилась сюда, чтобы спасти тебя, почему я ничего не помню?»

- Потому что ты слишком долго спала, - спокойно ответил Дицзюнь.

Видя, что в ее глазах все еще было сомнение, он погладил ее лицо, решительно заглянул ей в глаза и понизил голос: «Сяо Бай, разве ты не всегда спасала меня, когда я был в ловушке?»

Разве ты не всегда спасала меня, когда я был в ловушке?

Фэн Цзю напряглась.

Сегодня вечером ее мысли действительно были перевернуты вверх дном. Она не могла объяснить, отчего чувствовала себя так странно. Но слова Дун Хуа были подобны нежным снежинкам, падающим на ее ресницы, проносясь мимо облаков в ее сознании.

Она почувствовала, что понемногу начала приходить в себя.

Воспоминания о времени, проведенном на Девяти Небесах, нахлынули на нее, и ее сердце внезапно сжалось от обиды.

Она вспомнила, как однажды беседовала с тетей о том, каким мистическим может быть мир. Мистическим потому, что было много вещей, которые казались одним, но оказывались совсем

другим. Например, «любовь» и «желание». На первый взгляд между ними было мало разницы, но на самом деле эти понятия совершенно разные. Разница в том, что желание можно контролировать, а любовь - нет. Вот почему существует красноречивая смертная поговорка: «Невозможно знать, где начинается любовь и куда она уходит».

То, что она чувствовала к Дун Хуа, было не неуправляемым желанием, а скорее неконтролируемой любовью. Она думала, что отпустила свои чувства, но не ожидала, что корни этой привязанности будут похоронены так глубоко. Сначала ей показалось, что она срезала их все начисто, но чем больше она копала, тем больше находила.

Она думала, что прошлое унесло ветром, и все превратилось в облако пыли. Но простые слова Дун Хуа подняли слой пыли, и она поняла, насколько глубоко и надежно укоренились ее чувства.

Почему Янь Чиу снова заманил Дун Хуа в ловушку? Почему она не вынесла урок из прошлого и все равно пришла сюда, чтобы спасти его? Ее больше не волновали эти вопросы.

Разве Дицзюнь не говорил, что она всегда приходила спасти его, когда он оказывался в ловушке?

По прошествии двухсот лет, казалось, он наконец узнал, что она была маленькой лисичкой, спасшей его в Сфере Нечистого Лотоса в тот год, его маленькой любимицей, которая когда-то жила рядом с ним на Девяти Небесах. Знал ли он также, что она так сильно страдала лишь из-за него одного?

Знает он или нет, какое это теперь имело значение? Сейчас было не время для подобных вопросов.

Слезы внезапно хлынули и покатались из ее глаз. Она услышала свой собственный хриплый голос: «Значит, ты знаешь, что той лисичкой была я. Но почему ты узнал об этом только сейчас?»

Атмосфера за занавеской кровати внезапно стала тяжелой. Дун Хуа вытер слезы в уголках ее глаз и сказал после долгого молчания: «Всё это только моя вина».

Фэн Цзю смотрела на Дун Хуа затуманенными глазами. Она никогда раньше не видела такого выражения на его лице.

Она знала, что он уступает ей. Он признался ей, что был не прав, но она понимала, что в этом нет его вины. Это не вина Дун Хуа, это Небеса даровали им такую судьбу. Было несправедливо по отношению к Дун Хуа, что он должен был извиниться.

С ее стороны было бы безрассудно сейчас устраивать истерику.

Она слышала лишь, что улыбка может растопить вражду, но никогда не слышала, что нужно использовать слезы, чтобы нажить новых врагов.

Она подняла руку, чтобы вытереть слезы, затем опустила глаза и прошептала: «Всё в порядке. Пока Цзи Хэн не вошла во дворец Тайчэнь, ты очень хорошо относился ко мне. Только с ее приходом ты постепенно изменился. Но не беспокойся, я долго думала об этом и поняла: Цзи Хэн та, кого ты любишь. Я была всего лишь домашним животным во дворце Тайчэнь. Поскольку я поцарапала Цзи Хэн, ты поступил верно, что наказал меня. И ты не пришел навестить меня, когда я сидела взаперти, потому что был занят приготовлениями к свадьбе с Цзи Хэн. Перед

свадьбой нужно приготовить кучу вещей, и существует множество обычаев, которые нужно соблюдать. Вполне понятно, что ты и думать забыл обо мне».

Она шмыгнула носом и попыталась выглядеть великодушной.

- Тебе также не стоит беспокоиться о том случае, когда снежный лев чуть не убил меня. Я уже все обдумала. В тот день, если бы я послушалась Чжунлиня и осталась на месте, я бы не попала в ту ужасную передрагу. В конце концов, я никого не могу винить, все дело в моем невезении.

Она подняла руки, чтобы вытереть слезы, и искренне сказала: «Поскольку я перенесла много страданий, когда была в твоём дворце, Небеса могли бы сказать мне, что мы с тобой не созданы друг для друга, вот почему я...»

Над ней раздался голос Дицзюня: «Вот почему ты?..»

Фэн Цзю молча подняла голову; по ее подбородку катились невысохшие слезы, когда Дицзюнь отвлек ее вопросом: «Вот почему ты?..» Она и сама не была уверена. Дун Хуа нахмурился, его лицо внезапно стало ледяным. Фэн Цзю показалось, что в глазах Дун Хуа мелькнула печаль, когда он посмотрел на нее.

---

[2] Дракон и Феникс - олицетворение идеального супружества, поэтому такие свечи обязательный атрибут китайских свадеб. Дракон символизирует мужчину, а феникс - женщину.

<http://tl.rulate.ru/book/32932/744273>